

С. Н. Семанов «Кровавое воскресенье» как исторический феномен Вопросы истории. 1991. №6. С. 182-188.

Семанов Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, член Союза писателей СССР.

Одна из самых трагических дат российской истории — 9 января 1905 года. Значение этого события осознано не до конца: ведь именно после «Кровавого воскресенья» и покатило по Руси бесконечное наваждение насилий, взрывов, пожаров, казней и страшного разорения.

Трагические события 9 января 1905 г., когда была расстреляна мирная рабочая демонстрация, кладут глубочайший рубеж между предшествующим и последующим развитием политической истории страны. События эти относятся к числу тех сюжетов, которые принято считать изученными и не вызывающими серьезных споров.

На эту тему имеются многочисленные специальные исследования, в общих работах о первой русской революции также не обходили вниманием 9 января. Истолкование этих событий имеет давнюю и устоявшуюся традицию, существенных разногласий у различных авторов здесь, по существу, нет. Остается добавить, что опубликовано огромное количество документов, мемуаров и других источников самого разнообразного происхождения, всесторонне освещающих историю и предысторию «Кровавого воскресенья».

Общим местом является до сих пор тезис, что царское правительство сознательно провоцировало шествие к Зимнему дворцу, намереваясь устроить массовый расстрел рабочих и тем самым подавить разраставшееся стачечное движение в Петербурге и революционное движение в стране в целом. Об этом писали многие авторы [1], это затвержено в различных учебных пособиях. Согласно той же версии, орудием этого зловещего и обдуманного плана являлся священник Георгий Гапон — глава созданной им организации зубатовского толка. По словам А. М. Панкратовой, «полиция и охранка одобрили план Гапона, замышляя кровавую расправу над рабочими» [2].

Протографом, если можно так выразиться, данной концепции является «Краткий курс» истории ВКП(б), где четко и недвусмысленно говорится о провокационном устроении петиционного шествия 9 января и о том, что «Гапон взялся помочь царской охранке: вызвать расстрел рабочих и в крови потопить рабочее движение» [3]. Такая же оценка причин «Кровавого воскресенья» встречается во всех работах 60-х годов [4]. В наиболее характерном виде это выражено у В. И. Бовыкина: «Документы из секретных архивов царского правительства... полностью раскрыли историю кровавой провокации царизма. Теперь нет никакого сомнения в том, что Гапон выдвинул идею шествия к царю с ведома царских властей» [5]. При этом автор не называет эти секретные документы и вообще не дает каких-либо ссылок. Подобное же изложение событий повторялось и в 70-х и в 80-х годах [6]. Однако данная, предельно упрощенная схема не может дать объяснения такому сложному и противоречивому явлению, каким была трагедия 9 января 1905 года.

События развивались тогда стремительно: 3 января остановился Путиловский завод, в следующие два дня забастовали еще четыре предприятия. 6 января был праздничный день («Крещение»), а уже в пятницу, 7 января, стачка петербургских рабочих стала фактически всеобщей, охватив, по данным фабричной инспекции, 382 предприятия. На следующий день их было уже 456, а количество забастовщиков (по тому же источнику) составило почти 113 тысяч [7]. В это число не были включены рабочие казенных заводов, также охваченных стачкой. Общее число рабочих на 12 крупных казенных предприятиях (не считая нескольких мелких) составляло в ту пору свыше 32 тысяч [8]. К этому надо прибавить весьма значительное число рабочих мелких предприятий, строителей и т. п. Таким образом, общее число забастовщиков в канун «Кровавого воскресенья» в столице превышало 150 тыс. человек. Огромный индустриальный центр с полуторамилионным населением замер, столица империи внезапно оказалась в состоянии полного

экономического паралича. Ничего даже отдаленно похожего на это история страны ещё не знала.

Итак, всеобщая стачка разразилась внезапно и бурно. Поразительный размах ее застал врасплох всех главных действующих лиц будущей драмы: и правительство, и революционные организации, и сам петербургский пролетариат. Забастовочное движение рабочих развивалось совершенно стихийно, не имея никакого руководящего центра, вроде стачечного комитета, ни даже региональных центров.

Ни Гапон, ни созданное им «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» ни в коей мере не могут считаться вождами вспыхнувшей стачки, хотя влияние их в те дни было очень заметно. Еще А. Л. Фрайман писал, что верхушку «Собрания» составляла «рабочая аристократия» [9]. Это действительно были наиболее квалифицированные кадровые рабочие [10]. Именно в помещении, где размещалось «Собрание», происходили в те дни непрерывные митинги, а в роковое утро 9 января около него рабочие выстраивались в колонны для шествия к Зимнему дворцу — это, однако, не значит, что названная организация имела руководящее значение.

Сам Гапон в бурных событиях начала января играл сугубо второстепенную роль. Он страшился резко обострившегося положения дел и был влеком стихией, даже не пытаясь руководить ею. Об этом свидетельствует буквально все, что известно о его поведении в то время [11]. Никто не вел рабочих от одного завода к другому с призывом присоединиться к стачке, они шли сами. Во всех работах за Гапоном тянется давнее клише — «агент охранки» (в моей давней работе это тоже отмечалось, хотя и с некоторыми оговорками). Да, Гапон вел переговоры в 1903 г. с министром внутренних дел В. К. Плеве, жандармским полковником С. В. Зубатовым (оба сошли со сцены до описываемых событий), с тогдашним петербургским градоначальником И. А. Фуллоном. Но общение с ними не означает непременно вербовки в «секретные сотрудники». Кстати, сам Гапон ни от кого этих связей не скрывал, о чем рассказали позже его ближайшие соратники по «Собранию» — рабочие Н. Варнашов и А. Карелин [12]. Все это воспринималось рабочими реформистского толка спокойно — с властями лучше вести переговоры, чем воевать.

Больше всего сделал для утверждения памяти о Гапоне как агенте-провокаторе П. М. Рубенберг, который 28 марта 1906 г. убил его с «группой рабочих» [13]. Кто были эти «рабочие», не выяснено до сих пор, зато связи Рубенберга с Е. Азефом и Б. Савинковым хорошо известны. Остается добавить, что после революции настойчиво искали в архивах прямые данные о связях Гапона с охранкой, но не нашли, как не выяснились и имена тех неведомых «рабочих». Сам Рубенберг (скончавшийся в 1942 г.) тоже их не назвал. Словом, вопрос не бесспорный, но в данном случае несомненно одно: в роковые дни января 1905 г. Гапон не имел связей с какими-либо полицейскими властями.

В массе стихийно поднявшихся пролетариев, имевших еще очень малый опыт политической борьбы, сильны были царистские настроения. В этих условиях Гапон и его окружение, выдвинувшие лозунг петиционного шествия к царю, лишь сформулировали настроения петербургских рабочих. 7 и 8 января, в ходе стремительно нараставшей забастовки, идея рабочей демонстрации обсуждалась на митингах, встречая большое одобрение. Никакого разработанного плана действий на 9 января рабочие не имели, не было его и у Гапона [14]. Утром того самого воскресенья, которое уже к вечеру стали называть «кровавым», огромные колонны рабочих двинулись с окраины в центр города. Во главе их шли зачастую случайные люди: никто из вожаков демонстрации не проявил себя в дальнейших событиях. Направляющая роль их была невелика, как и роль Гапона, являвшегося лишь символом вождя, — происходило стихийное, никем не руководимое движение тысяч и тысяч людей.

Выступление рабочих не смогла возглавить ни одна из революционных или оппозиционных организаций, действовавших в ту пору в Петербурге. Большевистский комитет РСДРП выпустил листовку «Ко всем рабочим Путиловского завода» лишь 5 января, когда забастовка там была уже в полном разгаре, а листовку с призывом

присоединяться к стачке — 7 января, когда она стала уже по существу всеобщей [15]. Остается открытым вопрос, как быстро эти листовки были отпечатаны и как широко распространены. Большевики приложили все силы к тому, чтобы удержать рабочих от участия в петиционном шествии, но петербургская партийная организация была малочисленна, ослаблена расколом и не смогла оказать решающего влияния на стихийно поднявшиеся массы [16]. Секретарь Петербургского комитета большевиков С. И. Гусев информировал в те дни В. И. Ленина о том, что «Собранию» и Гапону сочувствовали «не только старые рабочие, но даже сознательные рабочие социал-демократы, даже организованные рабочие» [17]. Так оно и было.

Разрозненные и раздираемые внутренними противоречиями группы меньшевиков и эсеров не играли почти никакой роли как в ходе забастовки, так и при подготовке рабочей демонстрации [18]. Некоторые связи с гапоновской организацией имелись у группы бывших «экономистов» (В. Я. Богучарский, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова), но и они шли за событиями, а не руководили ими. В воспоминаниях М. К. Лемке описан его разговор с Богучарским в канун 9 января, из которого отчетливо видно, как смутно представлял себе последний смысл и значение начавшегося движения рабочих [19].

Руководители и активисты «Собрания» были типичными реформистами, явно отрицавшими революционный путь (об этом они прямо и откровенно рассказали сами). Полиция своевременно заметила это обстоятельство: начальник Петербургского охранного отделения докладывал в Департамент полиции 2 января, что в «Собрание» (видимо, в тот же день) явилось несколько интеллигентов, «в том числе три интеллигентных еврея и еврейки, по-видимому, курсистки», их приняли настороженно, а попытку распространить листовки встретили враждебно [20]. Можно сделать вывод, что в первую декаду января 1905 г. связь между широким рабочим движением и революционными организациями была слаба.

Правительственный бюрократический аппарат воспринял всеобщую стачку столичных рабочих, как гром среди ясного неба. Опубликованные А. Л. Сидоровым воспоминания ответственного чиновника канцелярии МВД тех лет Д. Н. Любимова содержат весьма красноречивые свидетельства на этот счет. События 9 января, пишет Любимов, «в той силе и объеме, в которых они себя проявили, были совершенно неожиданными для министра внутренних дел», Департамента полиции и самого петербургского градоначальника генерала Фуллона [21]. И это неудивительно. Правительство не имело никакой принципиальной программы по рабочему вопросу, законодательные акты в предреволюционную пору были посвящены более чем второстепенным вопросам [22], никакие серьезные мероприятия в высших бюрократических сферах даже не намечались и не обсуждались.

Попытка создать противоестественный союз полицейского с рабочим, связанная с именем Зубатова, была оставлена еще при Плеве. 26 августа 1904 г. последнего сменил П. Д. Святополк-Мирский — личность во всех отношениях слабая и бесцветная. Вся его недолгая деятельность до рокового в его карьере января 1905 г. была отмечена лишь несколькими микроскопическими либеральными мерами, получившими у современников ироническое название «политики весны». Самодержавная бюрократия имела весьма слабое представление о развитии рабочего движения, не предвидела его бурной вспышки, а главное — не имела никаких планов на этот случай. А ведь зловещий опыт уже имелся — «Обуховская оборона» в столице в 1901 г., батумская демонстрация 1902 г., политические стачки в Баку в 1903—1904 гг., многое иное. Был и соответствующий опыт Запада.

Уже после январских событий новый градоначальник столицы А. А. Дедюлин, сменивший Фуллона, представил Д. Ф. Трепову обширную докладную записку о действиях петербургского градоначальства накануне и в самый день «Кровавого воскресенья» [23]. Записка эта, как пояснял Дедюлин, была «составлена на основании всех имеющихся в моей канцелярии материалов и сведений, а приводимые в ней

некоторые объяснения, не имеющие письменных следов, подтверждены лично бывшим градоначальником Фуллоном». И действительно, названный документ наиболее точно и полно отражает правительственные мероприятия того времени и, что особенно любопытно, содержит совершенно не свойственное данному жанру материалов «критику и самокритику». Оказывается, градоначальство столицы с начала стачки и вплоть до ее трагического исхода не получило из МВД «ни одной бумаги или предписания по рабочему вопросу», но все это время «вплоть до 7 января включительно» столичная полиция «руководилась взглядом министра внутренних дел о невмешательстве в эту забастовку ввиду ее мирного течения и отсутствия насильственных действий» [24].

Итак, органы Министерства внутренних дел уже в самый разгар забастовки не дали должной оценки этому движению и никаких соответствующих мер не разрабатывали. Между тем уже 5 января министр финансов В. Н. Коковцов, отражая беспокойство петербургских предпринимателей, докладывал царю, что он «признавал бы действительно необходимым» принять «действенные меры» как для «ограждения имущества промышленников», так и для безопасности «благоразумных рабочих» [25]. Не было недостатка и в агентурных донесениях о бурном росте рабочего движения [26].

Катастрофа назревала, и вот 7 января спячка властей резко сменилась лихорадочными суматошными действиями, не имевшими опять же никакого стратегического плана. Дело в том, что уже 6 января Гапон выступил перед рабочими с призывом идти общим шествием к царю [27] — решение об этом было накануне принято верхушкой его организации. Охранное отделение, пристально следившее за ходом событий, уже 7-го поставило правительство в известность о намерении рабочих устроить манифестацию у Зимнего дворца [28]. Итак, намерения петербургских рабочих четко и ясно определились.

7 января правительство совершенно неожиданно для себя оказалось перед лицом решительного выступления народных масс. Каковы же были действия высших государственных органов в тот день? «Записка» Дедюлина дает нам довольно полную картину. Утром к Фуллому явился начальник штаба войск гвардии генерал-лейтенант Н. Ф. Мешетич и заявил, что «Петербург объявляется на военном положении и высшая власть переходит к князю Васильчикову» [29] (начальнику гвардейского корпуса). Встал в высшей степени серьезный политический вопрос, однако как не было дано никаких специальных инструкций военным и гражданским властям, так и не было сделано никаких разграничений между ними. Лишь относительно небольшие контингенты войск в этот день были направлены к электростанции, военным объектам города и т. д. [30]. Вечером под председательством генерала Васильчикова состоялось второе совещание городских властей с гвардейскими офицерами и полицеймейстерами «о совместном действии полиции и воинских частей» [31]. Город был разбит на восемь районов, перед войсками не ставилось никаких конкретных задач, кроме обычного в таких случаях «поддержания порядка».

В тот же вечер состоялось заседание высших правительственных лиц, созванное Святополк-Мирским. Присутствовали: министр юстиции Н. В. Муравьев, товарищ министра внутренних дел К. Н. Рыздзевский, директор Департамента полиции А. А. Лопухин, Б. А. Васильчиков, В. Н. Коковцов, И. А. Фуллон [32]. Судя по «Записке» Дедюлина, совещание одобрило вызов войск, однако высказалось против объявления Петербурга на военном положении. Обсуждался также вопрос об аресте Гапона, но было решено, что при такой накаленной обстановке на рабочих окраинах эта мера является «нежелательной». Никаких данных о том, что на совещании было принято или хотя бы обсуждалось какое-либо обстоятельное решение по поводу назревающих событий «Записка» не содержит. Это полностью подтверждается весьма авторитетными мемуарными свидетельствами.

По воспоминаниям очень осведомленного в делах высших сфер С. Ю. Витте, «было решено, чтобы рабочих манифестантов... не допускать далее известных пределов, находящихся на Дворцовой площади», для этого и вызвали войска [33]. «Не допускать» —

и только. Более подробное описание совещания, но с подобной же оценкой дал и непосредственный его участник Коковцов: оно «было чрезвычайно коротким и имело своим предметом только выслушать генералов Фуллона и Мешетича [34] о тех распоряжениях, которые были сделаны в отношении воинских нарядов для разных частей города с целью помешать движению рабочих из заречных частей города... к Зимнему дворцу». А затем следует весьма важное добавление: «Все совещание носило совершенно спокойный характер. Среди представителей министерства внутренних дел и в объяснениях начальника штаба не было ни малейшей тревоги» [35]. Наконец, последний штрих в эту очень согласную мемуарную композицию вносит Любимов. Объясняя своим сотрудникам значение вызова армейских частей, Святополк-Мирский говорил, что «благодаря особой дислокации войск никакие шествия рабочих к центру города, тем более на Дворцовую площадь, допущены не будут, все шествия будут остановлены у застав» [36].

Гапон в своих мемуарах, вышедших за границу в 1905 г. и являющихся скорее политическим памфлетом, а не желанием искренне поделиться о пережитом, пишет о встрече во второй половине дня 8 января с министром юстиции Н. В. Муравьевым и передаче ему копии своей «петиции». Тот якобы ответил: «Я исполню свой долг». Из приемной Министерства юстиции Гапон позвонил министру финансов В. Н. Коковцову и просил его содействия. Так все было или нет, но оба многоопытных политика ничего чрезвычайного в сообщениях Гапона не усмотрели [37].

Итак, виднейшие сановники не утруждали себя разработкой какого-либо тактического плана действий в связи с назревшей массовой рабочей демонстрацией — первой в истории страны. Никто из них не смог осмыслить суть этого принципиально нового явления, понять его огромную важность, никто даже не задумался об этом. Было принято простейшее решение в духе вековых традиций бюрократии: «не пускать». (Характерно, что эта фраза в разных вариациях повторяется у всех трех высокопоставленных мемуаристов!) В данном случае не пускать народ на Дворцовую площадь, ибо это есть бунт, — чиновники авторитарного строя только так могли оценить мирное народное шествие. В этом, и только в этом и состоял весь нехитрый «план», разработанный властями. Выполнение его было поручено военному ведомству как наиболее приспособленному для данной цели.

Директор Департамента полиции Лопухин утверждал, будто «жители столицы были заблаговременно предупреждены» властями о недопустимости демонстраций [38]. Действительно, 7 января какое-то количество таких объявлений от имени петербургского градоначальства было расклеено по улицам, но, по свидетельству осведомленного В. И. Невского, никто на них внимания не обратил [39]. В любом случае, в той предгрозовой атмосфере подобная мера не могла произвести никакого впечатления на возбужденных людей и была типичнейшим проявлением бюрократического образа действий.

8 января штаб округа методично располагал войска вокруг центра города: уже в 6 часов утра на улицы Петербурга было выведено 26 1/2 рот пехоты [40]. Весь день в помещении градоначальства военные и полицейские власти уточняли диспозицию войск на 9 января и, наконец, вечером она была окончательно установлена [41]. Никаких специальных распоряжений командиры частей не получили и, следовательно, должны были действовать согласно общим уставным положениям. Фуллон отдал запоздалый приказ об аресте Гапона (что в любом случае уже никак не могло повлиять на ход событий), но приказ этот даже не попытались выполнить, боясь вызвать открытое сопротивление рабочих [42]. Единственной практической мерой правительства в тот день явилось опубликование в «Правительственном вестнике» и «Ведомостях Петербургского градоначальства» (только эти газеты и выходили в разгар забастовки) объявления о том, что «никакие сборища и шествия таковых по улицам не допускаются», а в противном случае будет осуществлено «применение воинской силы». Эта нелепая угроза не произвела решительно никакого впечатления на рабочих, как свидетельствуют все

сохранившиеся материалы. Скорее всего, подавляющая масса рабочих даже не знала о пресловутом запрещении «сборищ и шествий».

Вечером Святополк-Мирский отправился в Царское Село с докладом. На исходе этого дня Николай II записал в своем дневнике: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизонов. Рабочие до сих пор вели себя спокойно... Мирский приезжал для доклада о принятых мерах» [43]. Эта бесстрастная запись как будто подтверждает, что царь не услышал в тот день ни о каких чрезвычайных планах и также не представлял себе всей опасности создавшегося положения.

Допустим, что исходя из каких-то своих планов, Мирский обманул царя и сгладил оценку грозной обстановки. Это предположение полностью противоречит всем имеющимся источникам — никаких особых целей у Мирского не имелось. Или может быть царь согласился с планами Мирского? Опять же нет никаких прямых данных, а молниеносная отставка Мирского косвенно подтверждает это. Конечно, царь и его окружение рассматривали предстоящие действия войск как обычную полицейскую операцию, какие уже не раз приходилось осуществлять в различных местностях империи. Вернувшись около полуночи в свою резиденцию министр считал даже возможным благодушно успокоить приближенных: «Все меры приняты. К центру города рабочие не будут допущены. Есть все основания думать, что завтра все обойдется благополучно» [44]. Эти слова произносились за 12 часов до того, как на улицах Петербурга раздались первые залпы.

Руководители государственной машины весьма смутно представляли себе возможные последствия вызова войск. Они даже не почувствовали какой-то озабоченности, вся обстановка в верхах носит совершенно будничного характера! Громадные политические последствия этого своего шага они осознали только тогда, когда «Кровавое воскресенье» стало свершившимся фактом, до основания потрясшим страну. В течение всего 9 января правительственный аппарат и столичное градоначальство пребывали в состоянии полной растерянности и никак не влияли на ход событий.

По выразительным описаниям Любимова, Святополк-Мирский «в волнении ходил по кабинету и курил», а Фуллон вообще куда-то исчез и в течение нескольких часов чиновники Министерства внутренних дел никак не могли разыскать градоначальника Петербурга. Вечером он, наконец, появился, «видимо, с трудом передвигая ноги», и протянул Святополк-Мирскому «вчетверо сложенный лист бумаги» — прошение об отставке [45]. Заметим, что отставка — причем в весьма оскорбительной форме — незамедлительно была дана обоим. Уже к исходу 9 января во главе правительства фактически стал Трепов — новоиспеченный генерал-губернатор Петербурга. Один только скоропалительный конец карьеры Святополк-Мирского и Фуллона заставляет усомниться в том, что они — самые ответственные лица в событиях «Кровавого воскресенья» — осуществляли свои действия 9 января по некоему заранее составленному плану.

Схема действий правительственного аппарата была предельно проста и повторяла — только в неизмеримо больших масштабах — многократно случавшееся. На всякое движение народа власти привыкли отвечать только одним — насилием. Никаких других способов общения с народом правящая бюрократия не могла себе представить. Витте, наиболее умный и дальновидный из тогдашних сановников, считавшийся даже «либералом», и тот в своих мемуарах, написанных много лет спустя, когда последствия кровавой и бессмысленной бойни 9 января были уже всем вроде бы понятны, без тени сомнения признавался, что и он не допустил бы к царю демонстрантов, а в случае их неповиновения «употребил бы против них силу» [46]. Что же говорить о прочих сановниках, действовавших непосредственно в те трагические январские дни?! Их кредо с солдатской прямоотой выразил генерал Мешетич, заявивший вечером 9 января: «Что же касается стрельбы, то это неизбежное последствие вызова войск. Ведь не для парада их вызывали?» [47].

«Документально установлено, — писала Панкратова, — что правительство сознательно желало довести дело до применения силы» [48]. Документов, которые бы прямо говорили о намерении самодержавия сознательно учинить расстрел, Панкратова не приводит, нам их также обнаружить не удалось. «Плана» расстрела не было, был только план расположения войск вокруг Дворцовой площади. Столкновение полных решимости дойти до своей цели демонстрантов с вооруженными солдатами, получивший приказ не пропускать демонстрантов к Зимнему дворцу, неизбежно должно было вызвать бойню на улицах Петербурга.

Отсутствие пресловутого «плана» избиения рабочих ни в коей мере не уменьшает ответственности правящей бюрократии. Напротив, трагедия 9 января показывает, что деспотический режим произвольно действует только одним способом, только к нему приспособлен, только для него создан. Именно так и поняли значение кровавой бойни петербургские рабочие, да и не только они: причиной трагедии был весь антидемократический строй Российской империи.

Примечания

1. ПАНКРАТОВА А. М. Первая русская революция 1905—1907 гг. М. 1951, с. 58; КНЯЗЕВ С. П. К вопросу о событиях в Петербурге 9 января 1905 г. В сб.: 50 лет первой русской революции. М. 1956, с. 56; СМОЛИН И. С. Первая русская революция в Петербурге. В кн.: Очерки истории Ленинграда. Т. 3. М.—Л. 1956, с. 253; Петербургские большевики в период первой русской революции 1905—1907 гг. Л. 1957, с. 45; и др.
2. ПАНКРАТОВА А. М. Ук. соч., с. 58.
3. История ВКП(б). Краткий курс. М. 1950, с. 55.
4. Курс лекций по истории КПСС. М. 1965, с. 144; Лекции по истории КПСС. Вып. 1. М., 1965, с. 163; БОВЫКИН В. И. Революция 1905—1907 гг. М. 1965, с. 31—32; и др.
5. БОВЫКИН В. И. Ук. соч., с. 31. В моей работе (СЕМАНОВ С. Н. Кровавое воскресенье. Л. 1965) была дана в общем сходная оценка намерений правящей клики, хотя и в более осторожной форме.
6. Назовем лишь две работы, наиболее солидные по жанру и составу исполнителей — обобщающую работу московских и книгу ленинградских историков, вышедшую несколько позднее: Революция 1905—1907 годов в России. М. 1975; Кризис самодержавия в России. Л. 1984.
7. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР. ф. 23, оп. 17, 1905 г., д. 339, л. 2.
8. Подсчитано по материалам ЦГИА СССР (ф. 1326, оп. 5, д. 1, лл. 4—28, 55).
9. ФРАЙМАН А. 9 января 1905 г. Л. 1955, с. 12.
10. См. об этом подробнее: Историко-литературный сборник. Т. 1. Л. 1924, с. 194 сл.
11. Эта тема обстоятельно освещена в работе А. Шиловой «К документальной истории «петиции» 9 января 1905 г.» (Красная летопись, 1925, № 2 (13)).
12. Красная летопись, 1922, № 1, с. 107; Историко-литературный сборник. Т. 1, с. 193; АЙЗЕНФАТ С. Зубатовщина и гапоновщина. М. 1924, с. 36.
13. Былое, 1917, №2 (24).
14. См. свидетельство одного из участников событий: ПАВЛОВ И. Из воспоминаний о «рабочем союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы, 1908, № 4, с. 83.
15. Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг. Т. 1. М. 1939, с. 151—153, 156.
16. Один из исследователей справедливо замечает по этому поводу: «Раскол, вызванный меньшевиками, расстроил на время нормальную работу всех партийных организаций столицы... Петербургский комитет РСДРП не мог взять на себя организацию этой забастовки» (КИРИЛЛОВ В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в период подъема революции 1905—1907 гг. М. 1961, с. 48, 49).
17. Начало первой русской революции. Док. и м-лы. М. 1955, с. 8.
18. Подробнее об этом см.: НЕВСКИЙ В. Январские дни в Петербурге. — Красная летопись. 1922, №1, с. 36. Такой же точки зрения придерживался Ю. О. Мартов (см. там же, с. 24).
19. ЛЕМКЕ МИХ. 9 января 1905 г. (Листок дневника). — Красная летопись, 1922, № 1, с. 121.
20. Начало первой русской революции, с. 4—6.
21. ЛЮБИМОВ Д. Н. Гапон и 9 января. — Вопросы истории, 1965, № 8, с. 124.
22. Например, 10 июня 1903 г. появился мертворожденный закон о фабричных старостах, почти не получивший практического применения; 9 июня 1904 г. — закон о пенсиях рабочим артиллерийского ведомства, кое-что еще, но все по частным вопросам.
23. Записка опубликована С. Н. Валкой (Петербургское градоначальство и 9 января. — Красная летопись, 1925, Л6 1(12)).
24. Там же, с. 38.
25. Начало первой русской революции, с. 16.
26. Записки Петербургского охранного отделения об этом от 3—5 января см.: там же, № 2,3,4,5,6,11.

27. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 595, оп. 1, д. 21, л. 11 об.
28. Начало первой русской революции, с. 24.
29. Красная летопись, 1925, № 1(12), с. -41.
30. Было выделено 7,5 рот и 2 батальона гвардейской пехоты и 2 сотни казаков (Начало первой русской революции, с. 19—20).
31. Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 41.
32. Там же, с. 38—39.
33. ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, с. 343.
34. Очевидно, имеется в виду Васильчиков.
35. КОКОВЦОВ В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919. Т. 1. Париж. 1933, с. 52.
36. ЛЮБИМОВ Д. Н. Ук. соч., с. 127.
37. См. ГЕОРГИЙ ГАПОН. История моей жизни. Л. 1925, с. 32—33.
38. Начало первой русской революции, с. 102.
39. НЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 38.
40. Начало первой русской революции, с. 33.
41. Красная летопись, 1925, № 1(12), с. 42.
42. Начало первой русской революции, с. 102.
43. ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 248, л. 71.
44. ЛЮБИМОВ Д. Н. Ук. соч., с. 129.
45. Там же, № 9, с. 116.
46. ВИТТЕ С. Ю. Ук. соч., с. 341.
47. ЛЮБИМОВ Д. Н. Ук. соч., № 9, с. 116.
48. ПАНКРАТОВА А. М. Ук. соч., с. 60.